

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

К Н И Г И

ПАТРИКА ЗЮСКИНДА

Контрабас

♦

Парфюмер

♦

Голубка

♦

Три истории
и одно наблюдение

♦

Повесть
о господине Зоммере

Патрик
Зюскинд

ГОЛУБКА

ТРИ ИСТОРИИ
И ОДНО
НАБЛЮДЕНИЕ

КОНТРАБАС

Санкт-Петербург

УДК 821(494)
ББК 84(4Шва)-44
3 98

Patrick Süskind
DIE TAUBE

Copyright © 1987 by Diogenes Verlag AG Zurich
DREI GESCHICHTEN UND EINE BETRACHTUNG

Copyright © 1995 by Diogenes Verlag AG Zurich
DER KONTRABASS

Copyright © 1984 by Diogenes Verlag AG Zurich
All rights reserved

Перевод с немецкого
Эллы Венгеровой, Нины Литвинец

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© Э. В. Венгерова, перевод, 1994,
2000

© Н. С. Литвинец, перевод, 1991

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19751-0

ГОЛУБКА

Повесть

Когда произошла эта история с голубем, выбившая из колеи его монотонное существование, Ионатану Ноэлю было уже за пятьдесят, из них последние двадцать он прожил совершенно без всяких событий и даже мысли не допускал, что с ним может произойти что-либо значительное, кроме неизбежной смерти. И его это вполне устраивало. Потому что он терпеть не мог событий, он прямо-таки ненавидел события, нарушающие внутреннее равновесие и вносящие сумятицу во внешний порядок вещей.

Большинство такого рода событий, слава богу, терялось в сером безвременье его детства и юности, и он предпочитал вообще больше не вспоминать о них, а если и вспоминал, то с величайшим неудовольствием: например, об одном летнем дне в Шаран-

тоне, в июле 1942 года, когда он пришел домой с рыбалки, в тот день была гроза и потом ливень, а до этого долго стояла жара, и на обратном пути он снял ботинки, шел босиком по теплomu мокрому асфальту и с наслаждением шлепал по лужам... Так вот, он вернулся домой с рыбалки и побежал в кухню, ожидая увидеть там занятую стряпней мать, а матери больше не было, был только ее фартук, он висел на спинке стула. Мать уехала, сказал отец, ей пришлось уехать, надолго. Ее забрали, сказали соседи, сначала на Зимний велодром, а потом отправят в лагерь под Дранси, а из Дранси — на восток, откуда никто не возвращается. И Ионатан не понял, что же произошло, это его совершенно сбilo с толку, а через несколько дней исчез и отец, и Ионатан и его младшая сестра вдруг оказались в каком-то поезде, ехавшем на юг, и совершенно незнакомые люди вели их ночью по какому-то лугу и волокли через лес и снова посадили в поезд, ехавший на юг, куда-то далеко, непостижимо далеко, и какой-то дядя, которого они никогда прежде не видели, встретил их в Кавайоне и привел на свою ферму недалеко от местечка Пюже в долине Дюранса и прятал

там до конца войны. Потом он отправил их работать на огороды.

В начале пятидесятых — Ионатан уже начинал находить некоторую прелесть в своей батрацкой жизни — дядя потребовал, чтобы он отслужил в армии, и Ионатан послушно завербовался на три года. Весь первый год ушел только на то, чтобы привыкнуть к мерзостям стадной и казарменной жизни. На второй год его отправили в Индокитай. Большую часть третьего года он провалялся в лазарете с огнестрельными ранами в ступне и голени и амёбной дизентерией. Вернувшись весной 1954 года в Пюже, он не застал сестры, говорили, что она эмигрировала в Канаду. Теперь дядя потребовал, чтобы Ионатан незамедлительно женился, а именно на девушке по имени Мари Бакуш из соседней деревни Лори, и Ионатан, который еще и в глаза не видел этой девушки, покорно и даже с удовольствием согласился, ибо, хотя он имел довольно туманное представление о браке, он все же надеялся обрести наконец-то состояние монотонного покоя и бессобытийности, которое было единственным, к чему он стремился. Но уже через четыре месяца Мари родила мальчика

и той же осенью сбежала с каким-то тунисцем — торговцем фруктами из Марселя.

Из всех этих происшествий Ионатан сделал вывод, что полагаться на людей нельзя и, чтобы жить спокойно, следует держаться от них подальше. И поскольку он к тому же стал посмешищем всей деревни и это его раздражало — не из-за насмешек, а из-за того, что он привлекал к себе всеобщее внимание, — он впервые в жизни принял самостоятельное решение: пошел в банк «Креди агриколь», снял со счета свои сбережения, собрал чемодан и уехал в Париж.

Тут ему дважды очень повезло. Он нашел работу охранника в банке на улице де Севр, и еще он нашел себе пристанище, так называемую *chambre de bonne* на седьмом этаже доходного дома на улице де ла Планш. Чтобы попасть в эту комнату, нужно было пересечь задний двор, подняться по узкой лестнице черного хода и пройти по узкому коридору, тускло освещенному единственным окном. В коридор выходили две дюжины комнатушек с серыми нумерованными дверьми, в самом конце коридора располагалась комната Ионатана, номер 24: три сорок в длину, два двадцать в ширину

и два метра пятьдесят в высоту. Всю обстановку составляли кровать, стол, стул, электрическая лампочка и вешалка, больше ничего. Только в конце шестидесятых электропроводка была улучшена настолько, что можно было подключить к ней плиты и обогреватели; к комнатам подвели воду и установили в них раковины и колонки. А до этого все обитатели чердачного этажа, если они не прятали у себя контрабандной спиртовки, питались всухомятку, спали в нетопленых комнатах и стирали носки и мыли посуду холодной водой в единственной на весь коридор умывалке рядом с общей уборной. Все это вполне устраивало Ионатана. Он искал не комфорта, а надежного пристанища, которое принадлежало бы ему, и только ему, которое защитило бы его от неприятных неожиданностей жизни и из которого никто больше не посмел бы его изгнать. Впервые войдя в комнату 24, он сразу понял: вот оно, то, чего ты, собственно, всегда желал, здесь ты останешься навсегда. (Говорят, совершенно то же самое происходит с некоторыми мужчинами при так называемой любви с первого взгляда, когда они молниеносно решают, что впервые

увиденная ими женщина — это женщина на всю жизнь, которой они овладеют и с которой останутся до конца своих дней.)

Ионатан Ноэль снял эту комнату за пять тысяч старых франков в месяц, отсюда он каждое утро уходил на службу на расположенную поблизости улицу де Севр, сюда возвращался вечерами с хлебом, колбасой, яблоками и сыром, ел, спал и был счастлив. По воскресеньям он вообще не выходил из дому, убирал комнату и застилал постель свежей простыней. Так он и жил, спокойный и довольный, из года в год, десятилетие за десятилетием.

Некоторые внешние условия жизни за это время изменились, например квартирная плата, тип жильцов. В пятидесятых годах соседние комнаты снимало еще довольно много служанок, молодых семейных пар, встречались и пенсионеры. Позже все чаще стали въезжать и выезжать испанцы, португальцы, североафриканцы. С конца шестидесятых большинство жильцов составляли студенты, но и они схлынули. Наконец некоторые комнаты перестали сдаваться внаем, они опустели или служили своим владельцам — господам из дорогих квартир на нижних этажах — в качестве

чуланов для рухляди или запасных спален для гостей. Комната Ионатана — номер 24 — с течением времени стала довольно комфортабельным обиталищем. Он купил себе новую кровать, встроил шкаф, застелил семь с половиной квадратных метров пола серым ковром, обклеил красными лакированными обоями угол с плитой и раковиной. У него было радио, телевизор и уют. Продукты он уже не вывешивал, как когда-то, в мешочке за окно, а хранил в крошечном холодильнике под раковиной, так что у него даже летом в самую сильную жару масло больше не таяло, а ветчина не сохла. Над изголовьем кровати он прибил полку, на которой стояло не меньше семнадцати книг, а именно трехтомный карманный медицинский словарь, несколько великолепно иллюстрированных изданий — о кроманьонцах, о технике литья в эпоху бронзы, о Древнем Египте, об этрусках и о Французской революции, одна книга о парусных судах, одна о флагах, одна о фауне тропиков, два романа Александра Дюма-отца, мемуары Сен-Симона, поваренная книга с рецептами густых супов, «Малый Ларусс» и «Краткий справочник для сотрудников охраны служебных

помещений с особым учетом инструкций по использованию табельного пистолета». Под кроватью хранилась дюжина бутылок красного вина, в том числе одна бутылка Chateau Cheval Blanc grand cru classe, которую он собирался распить в день своего выхода на пенсию в 1998 году. Тщательно подогнанная система электрических лампочек позволяла Ионатану сидеть и читать газету в трех местах своей комнаты, а именно в ногах и в изголовье своей кровати, а также за столиком, так что при этом свет не бил в глаза, а на газету не падала тень.

Правда, из-за многочисленных приобретений комната стала еще меньше, она как бы разрослась внутрь, как раковина, в которой накопилось слишком много перламутра, и благодаря своим разнообразным приспособлениям напоминала скорее каюту корабля или роскошное купе спального вагона, чем простую chambre de bonne. Однако за прошедшие тридцать лет она сохранила свое существенное свойство: для Ионатана она была и оставалась надежным островом в ненадежном мире, его твердой опорой, его прибежищем, его возлюбленной, да, возлюбленной, ибо, когда он по ве-

черам возвращался с работы, она, эта маленькая комната, нежно обнимала его, она его согревала и защищала, она питала его душу и тело, она была всегда готова принять его и никогда его не покидала. Она в самом деле была в его жизни единственным, на что можно было положиться. И поэтому он ни на минуту не допускал мысли, что ему придется расстаться с ней, даже теперь, когда ему было уже за пятьдесят и подчас бывало трудновато взбираться по крутым лестницам на седьмой этаж, и жалование позволило бы нанять настоящую квартиру с собственной кухней, клозетом и ванной. Он оставался верным своей возлюбленной и даже намеревался еще сильнее привязать себя к ней, а ее к себе. Он хотел сделать их отношения навеки нерушимыми, то есть купить ее. Он уже заключил договор с владелицей, мадам Лассаль. Это обойдется ему в пятьдесят пять тысяч новых франков. Сорок семь тысяч он уже выплатил. Остальные восемь тысяч будут уплачены к концу года. И тогда она станет принадлежать только ему, и ничто на свете, до самой смерти, не сможет разлучить их: Ионатана и его любимую комнату.

Так обстояли дела, когда в августе 1984 года, как-то утром в пятницу, произошла эта история с голубкой.

Ионатан только что встал. Он надел домашние туфли и набросил халат, чтобы, как всегда утром, перед бритьем, посетить туалет на этаже. Прежде чем открыть дверь, он приложил ухо к притолоке и прислушался, нет ли кого-нибудь в коридоре. Он не любил встречаться с соседями, тем более по утрам, в пижаме и купальном халате, а уж тем более по дороге в клозет. Ему было бы весьма неприятно обнаружить, что туалет занят; а уж встретиться с кем-нибудь из жильцов перед уборной... одна мысль о такой встрече приводила его в ужас. Она случилась с ним один-единственный раз, летом 1959 года, двадцать пять лет назад, и, вспоминая о ней, он содрогался: этот одновременный испуг при виде другого человека, одновременная потеря анонимности в ситуации, которая прямо-таки вопияла об анонимности, одновременное отшатывание и снова продвижение вперед, одновременное бормотание любезностей, только после вас, ах нет, после вас, месье, но мне совсем не к спеху, нет, нет, сперва вы, про-

шу вас... и все это в пижаме! Нет, он не желал больше никогда испытывать что-либо подобное, и он больше никогда не испытал ничего подобного благодаря своему профилактическому прислушиванию. Он знал на этаже каждый звук. Он мог расшифровать каждый треск, каждый скрип, каждый тихий всплеск или шорох, даже тишину. И теперь — всего на несколько секунд приложив ухо к двери — он совершенно точно знал, что в коридоре не было никого, что туалет свободен, что все еще спят. Лево́й рукой он повернул головку автоматического замка с секретом, право́й — отодвинул собачку английского замка, щеколда отошла, он легко потянул дверь на себя, и она отворилась.

Он почти уже переступил порог, он уже занес ногу, левую, он чуть было не сделал шаг — и тут он увидел ее. Она сидела перед его дверью, примерно в двадцати сантиметрах от порога, в белесом отблеске утреннего света, проникавшего через окно. Сидела, уцепившись красными когтистыми лапами за бордовый плинтус коридора, в гладком, свинцово-сером оперенье: голубка.

Она склонила голову набок и уставилась на Ионатана своим левым глазом. Этот

глаз — маленький, круглый диск, карий с черной точкой зрачка — внушал ужас. Он походил на пуговицу, пришитую к головному оперенью; без ресниц, без бровей, совершенно голый, он был бесстыдно обращен вовне и жутко открыт; но в то же время в нем была какая-то сдержанная закрытость; и все же он не казался ни открытым, ни закрытым, а просто безжизненным, как линза фотоаппарата, поглощающая весь внешний свет и не выпускающая изнутри ни единого луча. В этом глазу не было ни блеска, ни мерцания, ни единой искры, ничего живого. Это был глаз без взгляда. И он пялился на Ионатана.

Он испугался до смерти — так, вероятно, он описал бы потом этот момент, но описание было бы неточным, потому что испуг пришел позже. Скорее, он был до смерти изумлен.

Может быть, пять, может быть, десять секунд — ему они показались вечностью — он стоял, застыв на пороге своей двери, держась рукой за собачку английского замка и занеся ногу, не в силах двинуться ни взад, ни вперед. Потом произошло какое-то едва заметное движение. То ли голубка переступила с одной лапы на другую, то ли не-

много распушила перья, — во всяком случае, ее тело встрепенулось, и одновременно веки ее сомкнулись, одно — сверху, другое — снизу, собственно, даже не веки, а какие-то резинообразные клапаны, которые проглотили глаз, как возникшие из ничего губы. На какой-то момент глаз исчез. И только теперь Ионатана пронизал страх, теперь, просто от ужаса, у него встали дыбом волосы. Он отпрянул назад, в комнату, и захлопнул дверь, пока глаз голубки не успел открыться снова. Он повернул автоматический замок с секретом, доковылял три шага до кровати и сел, дрожа, с бешено колотящимся сердцем. Лоб был ледяным, и он почувствовал, как на затылке и вдоль позвоночника выступает пот.

Первая его мысль была о том, что сейчас с ним случится инфаркт, или инсульт, или по меньшей мере сосудистый криз; ты как раз в подходящем возрасте, подумал он, когда человеку за пятьдесят — самое время для подобного несчастья. И он повалился боком на постель, и натянул одеяло на мерзнувшие плечи, и стал ожидать судорожных болей, колотя в груди и под лопаткой (он как-то прочел в своем карманном медицинском справочнике, что именно так

Содержание

ГОЛУБКА

Перевод Э. Венгеровой 5

ТРИ ИСТОРИИ...

Перевод Э. Венгеровой

Тяга к глубине 109

Сражение 116

Завещание мэтра Мюссара 137

...И ОДНО НАБЛЮДЕНИЕ

Перевод Э. Венгеровой

Amnesie in litteris 171

КОНТРАБАС. Пьеса

Перевод Н. Литвинец 183

Зюскинд П.

З 98 Голубка ; Три истории и одно наблюдение ; Контрабас : повести, рассказы, пьеса / Патрик Зюскинд ; пер. с нем. Э. Венгеровой, Н. Литвинец. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 256 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-19751-0

Патрик Зюскинд относится к числу самых популярных писателей XX века. Правда, нередко его называют автором лишь одного романа — «Парфюмер». Познакомившись с этой книгой, читатель легко убедится, что такое мнение ошибочно. Под одной обложкой собраны повесть «Голубка» («маленький шедевр в прозе»), четыре сравнительно коротких, но бесспорно интересных рассказа и пьеса «Контрабас», первое произведение Зюскинда, в котором поднимается тема «маленького» человека. Здесь автор раскрывается как великолепный психолог, мистификатор, человек, наделенный тонким чувством юмора и редкой фантазией.

УДК 821(494)
ББК 84(4Шва)-44

Литературно-художественное издание

ПАТРИК ЗЮСКИНД

ГОЛУБКА

•

ТРИ ИСТОРИИ
И ОДНО НАБЛЮДЕНИЕ

•

КОНТРАБАС

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Юлия Теплова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 19.05.2021. Формат издания 84 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 12,48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-ABA-28510-01-R